

Отец Лю Сяопана с отвращением огляделся, сел на стул и продолжил мрачно курить. Лю Сяопан выбежал из внутренней комнаты, посмотрел на отца, потом на мать, развернулся и побежал следом.

Чжэн Пин и Хань Чжицзюнь, оба мужчины, отправились в посредническое бюро. Чэн Баоли не пошла с ними, осталась дома присмотреть за детьми и вместе с Чэнь Линлин начала разбирать вещи. Они планировали в ближайшее время посмотреть дома и поскорее переехать.

Чэн Баоли и Чэнь Линлин как раз укладывали зимнюю одежду в чемоданы, когда вдруг услышали громкий звук «бух».

Чэн Баоли и Чэнь Линлин вздрогнули, выбежали посмотреть и увидели, что дверь маленького двора была пробита кирпичом, пол был усыпан осколками. Мать Лю Сяопана стояла у входа с яростным лицом, сверкая на них глазами, словно пришла забирать жизни, а за ней вбежал маленький Лю Сяопан.

Чэнь Линлин и Чэн Баоли переглянулись. Теперь они наконец поняли, откуда у Толстяка привычка кидать камни — оказывается, это наследственное от матери!

Чэнь Линлин при одной мысли о вчерашней сцене, когда камень разбил голову ребёнка и кровь залила землю, до сих пор чувствовала страх. Она поспешила отступить на шаг и преградила путь к двери дома. Чэн Баоли посмотрела на осколки кирпича на земле и с выражением человека, смотрящего на сумасшедшего, спросила:

— Ты чего творишь?

Мать Лю Сяопана стояла у ворот двора; видно, на бегу она запыхалась, грудь тяжело вздымалась. Она яростно смотрела на них, как на врагов, затем вдруг наклонилась, схватила камень и бросила в Чэн Баоли, с искажённым лицом крича:

— Вон! Убью тебя! Убью вас всех!

Камень упал у ног Чэн Баоли, она отпрыгнула, но от удара камень развалился на части, осколки разлетелись во все стороны.

Чэн Баоли и Чэнь Линлин наконец почувствовали неладное. Это уже выходило за рамки того, что способен сделать нормальный человек. Это была просто истерика!

Мать Лю Сяопана хватала камни с земли и бросала их в Чэн Баоли и Чэнь Линлин. Чэн Баоли прыгала, как заяц, уворачиваясь, и кричала:

— Хватит! Перестань! Ты что, больная?!

— Да, больная! — Мать Лю Сяопана специально выбирала большие камни и швыряла их, а маленький Лю Сяопан сзади хлопал в ладоши и подбадривал, подтаскивая большие кирпичи с улицы.

Чэн Баоли, увидев кирпич, который тащил маленький Толстяк, чуть не сошла с ума, тут же бросилась к нему, вырвала кирпич из рук ребёнка и швырнула его в большой чан с водой во дворе. Толстяк, лишившись кирпича, тут же заорал. Мать Толстяка развернулась, схватила дворниковую метлу и начала лупить Чэн Баоли. Чэнь Линлин увидела это и тут же бросилась толкать женщину.

— Убью вас! Всё из-за вас, проклятых!! Всё из-за вас!! — Мать Толстяка бешено размахивала метлой, Чэн Баоли и Чэнь Линлин тянули её к себе. На мгновение в маленьком дворике поднялся переполох.

Лю Сяопан, чёрт его знает, что у него в голове было, юркнул в сторону дома, но только добежал до двери, как та с грохотом захлопнулась прямо у него перед носом.

Внутри дома Чжэн Хайян с белой марлевой повязкой на голове нахмурился и запер дверь. Малыш Хань И сидел на циновке с глупым выражением, ничего не понимая, и смотрел в его сторону. Вдруг раздался звук «бабах» — стекло в окне рядом с дверью разбилось.

Чжэн Хайян:

— ...

Хань И всё так же сидел с ошарашенным видом. К счастью, штора была задернута, поэтому осколки стекла не залетели внутрь; но если бы не это, малыш, ползающий по циновке, мог бы пораниться.

Чжэн Хайян в душе действительно взбесился. Не видел же ещё таких отморожков! По сравнению с этой семьёй его тётя Чэн Баоя просто белый лотос!

Чжэн Хайян схватил Хань И и потащил во внутреннюю комнату, затем вылетел из дома и увидел, что три женщины во дворе дерутся, а Лю Сяопан, нагнувшись, выбирает осколки на земле, видно, собирается подобрать побольше, чтобы снова кинуть в окно. Этот ребёнок просто маленький псих! Чжэн Хайян, не раздумывая, подошёл и пнул Толстяка в зад. Толстяк с воплем «ой» растянулся на земле, задорол высоко вверх, обнажив белые ляшки.

Чжэн Хайян подумал: «Ах ты, оглашаешься? Когда мне кирпичом голову проломили, я даже не пискнул».

Толстяк вскочил и хотел наброситься на Чжэн Хайяна. Его разгневанное лицо было точной копией мамина — вот оно, яблоко от яблони. Только он был крупным и крепким, выше Чжэн Хайяна на целую голову.

Он бросился на Чжэн Хайяна, но тот развернулся и побежал, выбежав из двора, и на бегу кричал:

— Помогите! Толстяк бьёт человека!

Этот крик быстро привлек внимание окружающих. Они увидели, как Толстяк с камнем в руке, высоко подняв его, гонится сзади, а спереди Чжэн Хайян с повязкой на голове бежит как безумный.

Молодой мужчина подбежал и одной рукой подхватил Чжэн Хайяна, камень Толстяка упал рядом с ногами мужчины. Тот нахмурился:

— Что этот ребёнок вытворяет?!

Рывкнул на него — и Толстяк развернулся и убежал.

Чжэн Хайян громко крикнул:

— Мать Толстяка привела его в наш двор кидать камни в дверь, она сама бьёт мою маму и

тётю!

Услышав это, все побежали во двор Чжэн Хайяна. Войдя, все остолбенели: пол был весь усыпан осколками кирпича, на калитке была заметная вмятина от камня, а стекло в окне одной из комнат было разбито. Чэн Баоли и Чэнь Линлин с двух сторон держали мать Лю Сяопана за руки, а та, с растрёпанными волосами, как безумная, кричала:

— Отпустите! Отпустите!

Чэнь Линлин, обычно умная, красивая женщина, которая никогда не ругалась матом и не дралась, сейчас покраснела от гнева и со всей силы дала пощёчину матери Лю Сяопана, крикнув:

— Безумная, заткнись!!

Только тогда люди поспешили во двор: одни потащили мать Лю Сяопана, другие принялись сметать осколки, третьи увели Чэнь Линлин и Чэн Баоли в дом. Когда вошли в комнату и раздвинули занавеску, увидели, что пол весь в осколках стекла. К счастью, Чжэн Хайян успел увести Хань И во внутреннюю комнату, с ребёнком всё было в порядке.

На этот раз дело действительно разгорелось не на шутку.

Пришли дедушка Чжэн, бабушка Чжэн и директор Ху. Бабушка Чжэн до смерти перепугалась за детей: и за Чжэн Хайяна с проломленной головой было жалко, и за Хань И, который ничего не понимал и был ещё совсем маленьким. Она всё время утешала детей и никому не позволяла к ним подойти.

Во дворе мать Лю Сяопана обнимала Толстяка и орала, плакала так жалко, совсем как будто только что не кидала во дворе кирпичи и не дралась. Она размазывала слёзы и сопли, перечисляла, как ей плохо, как трудно, немного успокоившись, казалось поняла, что перегнула палку, и снова заплакала, сказала, что знает, что была неправа, что это был импульс, что в основном она жалела сына, потом снова заплакала, какой её сын бедняжка, недоношенный, с трудом выжил, недоедал, и она всё это из-за сына сделала...

Чжэн Хайян в душе просто плюнул. Он посмотрел во двор: эта женщина резко сменила гнев на милость, теперь плакала так жалко, словно играла роль.

Окружающие знали, как обычно ведёт себя мать Лю Сяопана, но, видя её сейчас в таком виде, кто-то смягчился и сказал с боку:

— Она уже поняла свою ошибку, давайте большее сделаем меньшим, меньшим забудем, пусть она и сын извинятся...

Речь не успела закончиться, как раздался детский голос Чжэн Хайяна:

— С чего это мы должны забывать? Если бы он меня убил, тоже достаточно было бы сказать «извини»? — Кто не умеет стоять на моральном пьедестале? Всё равно это не вашу дверь били, не ваше стекло били? Почему это так просто оставить? Она поплачет, притворится бедняжкой, и выходит, что неправы мы?

Если сейчас слёзы могут сделать нас жалкими, давайте тогда и мы поплачем!

Окружающие на миг замерли. Эта весомая фраза прозвучала громко и чисто, и в комнате

вдруг повисла тишина.

Малыш Хань И придвинулся к Чжэн Хайяну; малыш, видимо, никогда не слышал, чтобы его брат Янг говорил так сурово и угрожающе, не смог сразу привыкнуть, губы задрожали, и он вдруг разревелся.

<http://bllate.org/book/16484/1497947>